

Цена 50 коп.

М. ДЕЛБА

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА
И ИСТОРИИ АБХАЗОВ

СУХУМИ
ИЗДАНИЕ АБГИЗА
1964

М. ДЕЛБА

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА
И ИСТОРИИ АБХАЗОВ

СУХУМИ
ИЗДАНИЕ АБГИЗА
1951

Гениальное сталинское учение о языке, являющееся новым высшим этапом в развитии марксизма-ленинизма, открыло нам широкие пути и неограниченные возможности подлинно научного изучения языков советских наций и наций всего мира.

Сталинское учение о языке вывело советское языкознание из тупика, в который его завел Н. Я. Марр — основатель антимарксистского, так называемого «нового учения о языке».

Корифей марксистской науки товарищ И. В. Сталин вдребезги разбил основанное на принципах вульгарно-материалистической и идеалистической философии ложное, антинаучное учение Н. Я. Марра о языке. Не оставив камня на камне от пресловутого марровского учения о языке, товарищ И. В. Сталин разработал на основе исторического материализма подлинно марксистское учение о языке.

Благодаря сталинскому учению о языке, все сложнейшие теоретические вопросы языкознания — сущность, происхождение, развитие языка, его общественная природа, его отношение к мышлению, разделы языкознания, вопросы метода и классификации языков — получили глубоко научное объяснение и решение.

Задача теперь состоит в том, чтобы все наши научно-исследовательские учреждения и наши научные кадры, изучающие языки, литературу, историю и философию, коренным образом перестроили свою работу, сумели глубоко изучить гениальные труды товарища И. В. Сталина по воп-

росам языкоznания и, положив их в основу своей научной деятельности, решительно преодолеть и отказаться от ошибок Н. Я. Марра, внедряя марксизм в языкоznание.

Это наша боевая задача.

Принимая активное участие в решении этой задачи, Абхазский институт языка, литературы и истории должен много поработать, чтобы до конца извлечь уроки из допущенных им ошибок и по-большевистски исправить их, поставив всю свою научно-исследовательскую работу на прочный фундамент гениального сталинского учения о языке.

Как известно, Н. Я. Марр считался крупнейшим кавказоведом. Из всех иберийско-кавказских языков, в том числе и картвельских, он, пожалуй, более усиленно изучал абхазский язык в период своей относительно узкой кавказоведной ориентации. Но затем Н. Я. Марр, идеализировав и переоценив достоинства абхазского языка, стал до неузнаваемости извращать его факты и доводить их до абсурда в угоду своей яфетической теории.

В работе «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык» Н. Я. Марр указывает, что его «новое учение о языке» «так много обязано и еще более надеется быть обязанным своим уточнением, углублением и развитием именно абхазскому языку». (Н. Я. Марр, «О языке и истории абхазов», стр. 348).

Абхазский язык Н. Я. Марр использовал как один из основных строительных материалов для возведения неуклюжего здания «нового учения о языке», рухнувшего под ударами всесильного сталинского учения о языке. Это серьезное обстоятельство еще более обязывает нас решительно и непримиримо бороться против марровского «нового учения о языке», против последователей Н. Я. Марра, и коренным образом перестроить изучение абхазского языка в свете гениального сталинского учения о языке.

Н. Я. Марр, как было сказано выше, нёмало занимался изучением абхазского языка, но впоследствии, особенно в двадцатых годах, изучению абхазского языка и всему языковому строительству абхазов он нанес значительный ущерб. Прежде всего это выражалось в ошибочности и порочности взятой им линии отрыва абхазского языка и истории абхазов от грузинского языка и истории Грузии.

Вместо того, чтобы абхазский язык рассматривать как ближайший родственный язык с грузинским и абхазов как племя грузин, Н. Я. Марр искусственно искал родство абхазов и абхазского языка с другими народами и языками, в частности, с мертвыми айским и коптским языками, которые не имеют родства с языком абхазов.

Н. Я. Марр больше придавал значения изучению фактов «проникновения» и «заемствования» между грузинским и абхазским языками, чем определению места абхазского языка в семье картвельских языков, как одного из ближайших родственных языков с грузинским.

Это и понятно, ибо «Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории «праязыка». (И. Сталин, «Марксизм и вопросы языкознания», стр. 33).

После оформления своего ложного, антинаучного «нового учения о языке» Н. Я. Марр уже редко ссылается или вовсе не ссылается на родство абхазского языка с картвельскими языками.

Задача всякого серьезного исследователя заключается в том, чтобы добросовестно проследить за сложным ходом всех перипетий истории и установить научную истину.

Сделал ли это Н. Я. Марр в отношении изучения абхазского языка? Нет, не сделал. Он и не мог сделать этого, ибо, исходя из ложной яфети-

ческой теории, пошел по неправильному пути, исследования.

На основе своего идеалистического четырехэлементного анализа Н. Я. Марр делает из абхазского языкового материала исключительно фантастические выводы, приводя выхолощенные примеры в доказательство родства абхазского языка с финским, немецким, турецким, греческим и другими языками. Н. Я. Марр, не пренебрегая никакими средствами, из муhi делал слона. Чего стоит хотя бы один из его затасканных примеров — «лошадь», который он приводит в доказательство родства абхазского языка с чувашским языком и языком vogulov, живущих на крайнем севере и являющихся одним из финских племен.

Так бездоказательно и неубедительно, по чисто случайной внешней схожести отдельных слов Н. Я. Марр неоднократно останавливался на родстве абхазского языка с египетским. Говоря об идее родства абхазского языка с египетским, Н. Я. Марр писал:

«Яфетическое языкоzнание, медлившее его освещением, в заботах об укреплении предварительно своей материальной базы по абхазскому языку, теперь вынуждено им заняться под давлением накопляющихся теоретических положений, требующих некоторой ориентированности в действительном положении дела. Так-то теоретически родство египетского с абхазским может не подлежать сомнению, поскольку абхазский язык — яфетический, а яфетические языки родственны с семитическими, у которых с хамитическими, включающими в себя египетский, имеются бесспорные признаки родства». (Н. Я. Марр, там же, стр. 232-233).

К таким фантастическим выводам можно было притти, действительно, лежа на печке и гадая «на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов».

Авантюристические склонности, характерные для научного мышления Н. Я. Марра, привели его к общим построениям и космополитизму в изучении родства абхазского языка с языками народов, с которыми абхазы в действительности не имеют никакого родства.

Орудуя в Абхазии, Н. Я. Марр в 1926 году буквально навязал нам свой искусственный «абхазский аналитический алфавит», составленный на латинской основе.

В период подготовки и решения вопроса о переходе на марровский аналитический алфавит с возражениями выступили известные деятели народного просвещения Абхазии А. М. Чочуа и Д. И. Гулиа, студент Государственного института журналистики М. Л. Хашба и другие передовые представители абхазской интеллигенции.

И когда «заколебалась почва» под аналитическим алфавитом, Н. Я. Марр пошел напролом и стал запугивать катастрофическим последствием, которое вытекает из непонимания и нежелания абхазов принять аналитический алфавит.

Н. Я. Марр, потеряв чувство меры и скромности, 12 августа 1926 года писал о своем алфавите Наркопросу Абхазии: «Говорят, что письмо некоторым представляется трудным и кой-кто идет вспять... Если это действительно так, то считаю, что это катастрофа не только алфавитная, но и национально-возрожденская, да и в научно-организационном отношении». (Н. Я. Марр, там же, стр. 299).

При поддержке подлых врагов народа, отъявленных буржуазных националистов, пробравшихся тогда к руководству Абхазии и проводивших политику, направленную против общенациональных интересов грузинской советской культуры, Н. Я. Марру удалось протащить свой алфавит, который затормозил и потянул языковое строительство абхазов назад.

Но абхазский аналитический алфавит Н. Я. Марра, совершенно непригодный для практического использования как в письме, так и чтении, надуманный и не отвечавший жизненным интересам абхазского языка, лишь с большим трудом продержался только два года и был заменен.

Не помогла делу и «Академия абхазского языка и литературы», которая специально была учреждена в Абхазии по настоянию Н. Я. Марра для изучения и популяризации аналитического алфавита и пропаганды «нового учения о языке». Не случайно Н. Я. Марр писал: «Хочу надеяться, что молодая Академия абхазского языка и литературы будет... верной союзницей нового учения о языке». (Н. Я. Марр, там же, стр. 348).

Искусственно оторванная от общенаучных и культурных задач Советской Грузии, «Академия» не имела под собой никакой здоровой почвы и была упразднена вскоре после своего основания.

Непригодным оказался и унифицированный абхазский алфавит, заменивший аналитический алфавит Н. Я. Марра.

Как известно, в 1938 году был введен новый абхазский алфавит на основе грузинской графики, составленный компетентной комиссией с руководящим участием С. Н. Джанашиа, А. С. Чикобава, А. Г. Шанидзе, Д. И. Гулиа и др.

Новый абхазский алфавит, основанный на грузинской графике, удобен и легко усваивается нашими детьми. Алфавит этот сыграл большую положительную роль при переводе обучения абхазских школ на грузинский язык.

Создание абхазского алфавита на грузинской графической основе, вопреки вымученной латинице Н. Я. Марра, явилось в жизни абхазов большим культурно-политическим мероприятием, которое и в дальнейшем сыграет еще более положительную и прогрессивную роль.

Как сказано выше, язык и историю абхазов Н. Я. Марр по преимуществу изучал в отрыве от общей истории грузинского народа. А между тем, абхазы, как грузинское племя, на всем протяжении своей истории были неотъемлемой частью грузинского народа, и Абхазия была и является неотъемлемой частью Грузии не только политически, но и по своему национальному составу.

Об этом красноречиво говорят вековая история объединенного грузинского государства, многочисленные свидетельства топонимики и памятники материальной культуры, общность экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры абхазов с остальными грузинскими племенами.

Факты эти общеизвестны.

Язык абхазов, как и язык других грузинских племен, — мегрелов, лазов, сванов, — является ближайшим родственным языком грузинского языка. Об этом также говорят факты морфологии и лексики.

В словарном фонде абхазского языка часто встречаются общие для грузинского и абхазского языков слова, относящиеся к глубокой древности, которые не могли быть просто продуктом обычных встреч, «проникновения» двух разных языков или взаимозаимствования. Например:

დედი (დი), ბაბა (ბაბ), სული (აფსე), გული (აგუ),
უტყი (აუგრუ), აღვილი (აღვაგლ), დედი (ადუ),
სწავლა (აწარა), ფრება (აფგრება), ხუთი (ხუბა),
ცეცხლი (ამცა), ცეცლი (აცა), ცურვა (აძხარა), ჭაბა
(აჩარა), ზაფხული (აფხებ), მუვანი (აეჭია), მველი (აბგა).

Всех примеров не счесть. Это — предмет специального изучения исследователей лингвистов.

Известна в этом отношении интересная работа П. Чарая «Об отношении абхазского языка к яфетическим». О родстве грузинского и абхазского

языков писали и видный русский исследователь-кавказовед П. Услар, Г. Розен и др.

Наконец, об этом говорят исследования выдающихся советских ученых — академика С. Джанаша и проф. Арн. Чицобава, крупного знатока абхазского языка доктора филологических наук К. Ломтатидзе.

Каковы результаты изучения Н. Я. Марром языка и истории абхазов? Результаты оказались отрицательными. Антимарксистское марровское учение о языке нанесло культурному строительству Абхазии значительный ущерб.

Вредная тенденция Н. Я. Марра, выраженная в его теоретической и практической деятельности, тенденция отрыва истории абхазов от истории грузинского народа отрицательно сказалась на работе Абхазского института языка, литературы и истории и на воспитании некоторых наших научных кадров.

Не случайно, когда группа научных работников этого института во главе с К. Шакрыл выступила с явно буржуазно-националистическим тезисом о недопустимости нарушения этнографической целостности абхазского населения, она получила активную поддержку в лице ближайших учеников Н. Я. Марра и проповедников «нового учения о языке», ярых представителей аракчеевского режима в языкоznании проф. Г. Сердюченко и проф. Н. Яковлева.

Тот, кто отрывает или пытается оторвать историю и культуру абхазов от родной почвы — общенациональной истории и культуры Грузии, тот не марксист и вольно или невольно, фальсифицируя историю, льет воду на мельницу врагов марксизма-ленинизма, врагов нашей мудрой ленинско-сталинской национальной политики.

В соответствии с задачами, поставленными перед научными и творческими организациями Грузии в докладе секретаря ЦК КП(б) Грузии тов. К. Н. Чаркиани на Тбилисской XX городской партийной конференции, дирекция и научные работники Абхазского института языка, литературы и истории по-большевистски сумеют преодолеть и исправить допущенные ошибки и коренным образом перестроить свою работу по языкознанию, истории и литературе на основе гениального сталинского учения о языке. Это еще больше укрепит нашу советскую грузинскую культуру—национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Редактор П. К. Ратиани.

Корректор Г. Глонти.

Техредактор М. Пицхи.

ЭИ01696. Подписано к печати 28/VII 1951 г. Объем 3/4 л. ф.
Заказ № 2755. Тираж 4150.

Типография Грузполиграфиздата, г. Сухуми.